

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Владимир Соловьев

Из литературных воспоминаний Н.Г.Чернышевского.

Н.Г.Чернышевский

Ясно выступает в моих отроческих воспоминаниях один летний вечер {1}. Мы жили недалеко от Москвы на даче в селе Покровском-Глебова. Отец, работавший летом не меньше, чем зимою, уделял только воскресенья своим друзьям и знакомым, приезжавшим на целый день из Москвы и из ее окрестностей. Но вечер, о котором я вспоминаю, был не воскресный; невзначай после обеда приехали Евгений Федорович Корш* и Николай Христофорович Кетчер**. Я, по своим годам, еще не был в состоянии как следует ценить Корша с его высоким образованием и тонким остроумием, которого впечатление (на взрослых) усиливалось его обычным заиканием. Но я от раннего детства любил Кетчера с его наружностью полудикого плантатора, с остриженными (тогда) под гребенку волосами, его необъятную соломенную шляпу, широчайшие и слишком короткие парусинные панталоны, которые он, кажется, носил и зимою, свирепо-добродушное выражение лица, громкий бодрящий голос и бесцеремонные шутки со всеми, сопровождаемые громким хохотом:

Dulce ridentem Lalagen amabo,

*Dulce loquentem***.*

Гости что-то рассказали отцу и собрались с ним в его обычную вечернюю прогулку. Я попросился идти вместе с ними, и отец, после некоторого колебания, согласился. Библиотекарь Румянцевского музея, одно время редактор "Московских ведомостей" (до Каткова) и "Атеней", переводчик многих важных ученых книг, изданных К. Т. Солдатенковым.

** Московский "штаб-физик", известный переводчик Шекспира.

*** я буду Лалагу любить за сладкий смех

И говор сладкозвучный. (Гораций. Перевод А. Фета.) - Ред.

373

Но мои надежды на веселое собеседование Кетчера не сбылись. Он был мрачен и совсем не хохотал. Оказалось, что он с Коршем приехали передать отцу только что полученное из Детербурга известие о состоявшемся приговоре особого сенатского суда, по которому известный писатель Чернышевский, обвиненный в политическом преступлении, был осужден на каторжные работы в Сибири. Оба гостя имели удрученный вид, а отец, взволнованный, с покрасневшим лицом, говорил каким-то напряженным, негодующим шепотом, время от времени переходившим в крик.

II

Все это не требовало бы никакого объяснения, если бы эти люди принадлежали к одной партии, группе или направлению с осужденным. Но если в первые годы царствования Александра II, когда освободительные реформы еще только готовились, все люди, искренно желавшие этих реформ, составляли одну большую партию, где различия в образе мыслей, насколько они уже успели определиться, намеренно да и невольно сглаживались в виду общей цели, то в то время, которое я теперь вспоминаю, дело стояло уже иначе. Главная насущная цель была достигнута, люди разных принципов и идеалов враждебно столкнулись на дальнейшем пути и, независимо от старинной противоположности "славянофилов и западников", резко обозначилось в самом "западничестве" существенное несогласие между идеалистами-либералами "сороковых годов" и реалистами-радикалами "шестидесятых годов".

Корш и Кетчер были чистейшими правовернейшими "людьми сороковых годов", живыми памятниками знаменитых "кружков in der Stadt Moskau"*. Немецкая философия и Шекспир продолжали быть для них высшими откровениями всемирного смысла; к движению шестидесятых годов они могли относиться только враждебно и нисколько не старались смягчать этой вражды. Особенно Корш всячески изощрялся в более или менее язвительных насмешках над новейшими идеями и "последними словами" радикальной мудрости. Могло, правда, представляться как будто некоторое связующее звено между направлением "отцов" и стремлениями "детей", именно в лице Герцена. Но, во-первых, он был далеко, вне России. В городе Москве (нем..)- Ред.

374

ная подвижность, благодаря которой Герцен самолично пережил всю тридцатилетнюю эволюцию идей от гегельянства до социал-демократии,- эта умственная подвижность Герцена не была уделом его московских друзей; их

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org
"эволюция" теоретически остановилась на сороковых годах, а практически завершилась 1861-ым годом, когда они, сочтя главное сделанным, решительно разошлись с своим заграничным другом. А с петербургскими деятелями нового направления они не имели никаких личных связей, которые бы смягчили противоречия в образе мыслей.

Что касается до моего отца, то, как человек с самыми положительными верованиями в области религии и как убежденный "государственник", он, конечно, был еще дальше от господствующего направления 60-х годов. Почему же печальная судьба Чернышевского - самой значительной головы в этом враждебном и, во всяком случае, чуждом и не сочувственном им лагере, так поразила и возмутила этих людей? Конечно, они были слишком благородны, чтобы радоваться чьему бы то ни было несчастью. Но, если бы они считали это несчастье заслуженным, они могли бы "по человечеству" пожалеть о пострадавшем, указать на какие-нибудь "смягчающие обстоятельства" - и успокоиться. Но откуда это необычайное волнение, почему эти люди выведены из себя?

Отчасти я могу понять причину из тогдашнего разговора, особенно из слов отца, который говорил больше своих собеседников. Впоследствии дело выяснилось для меня вполне.

III

- Что же это такое? - говорил отец, - берут из общества одного из самых видных людей, писателя, который десять лет проповедовал на всю Россию известные взгляды с разрешения цензуры, имел огромное влияние, вел за собою чуть не все молодое поколение, - такого человека в один прекрасный день без всякого ясного повода берут, сажают в тюрьму, держат года, - никому ничего не известно, - судят каким-то секретным судом, совершенно некомпетентным, к которому ни один человек в России доверия и уважения иметь не может и который само правительство объявило никуда не годным*, - и вот, наконец, общество извещается, этот Чернышевский, которого оно знает только как писателя, ссылается на каторгу за политическое преступление. Судебная реформа была уже в это время делом решенным {2}.

375

ление, - а о каком-нибудь доказательстве его преступности, о каком-нибудь определенном факте нет и помину.

- Как вы странно рассуждаете, - заговорил Е. Ф. Корш, - ну, какие тут доказательства? На какой планете вы живете? Мы - дети, они - отцы, вот и все. И какая у вас черная неблагодарность. Вас избавили от зловредного человека, который чуть-чуть не запер вас в какую-то фаланстерию, а вы требуете каких-то доказательств. Ну, кому же и верить на слово, как не правительству?

- А вот именно потому, - продолжал отец прежним тоном, - что я верю правительству, я и не могу доверять тому суду, который само правительство признало никуда не годным и обреченным на уничтожение. Всем известно, что это за судьи и что им не только судьбы человека, а последней кошки доверить нельзя.

- Ты в самом деле думаешь, - мрачно пробурчал Кет-чер, - что ничего фактического не было?

- Не думаю, а совершенно уверен. Ведь каковы бы ни были эти судьи, не в сумасшедшем же доме они сидят. Сообрази сам, допустим, что в политическом процессе для успешного расследования может требоваться строгая тайна. Но когда дело кончено, виновность доказана и приговор состоялся, то тут из-за чего же секретничать? Я готов даже допустить и такую нелепость, чтобы прятали и самого Чернышевского, боясь, как бы его не освободили. Но вину-то его, вину фактическую, доказанную, зачем прятать? Единственное объяснение, что этой вины нет и что объявлять им нечего.

IV

Собеседники не спорили; разговор продолжался на ту же тему, но я запомнил из него ясно только то, что сейчас передал. Впоследствии, в разных возрастах, мне случалось разговаривать о Чернышевском с моим отцом, который всегда подтверждал свою уверенность в том, что никакого политического преступления Чернышевский не совершал, а был сослан за то, что его писательская (подцензурная) деятельность найдена была опасною для существующего порядка.

Отец имел, хоть и не близкое, личное знакомство с Чернышевским: им пришлось видеться и разговаривать всего два раза с промежутками в несколько лет. В первое свидание (если не ошибаюсь, в конце 1859 г.) Чернышевский очень

376 понравился отцу, во второе (должно быть, в начале 1862 г.) он нашел в нем большую перемену, которую объяснял установившимся идолопоклонническим отношением к Чернышевскому окружающей его литературной и общественной среды. "Я помнил, - говорил отец, - замечательно умного и толкового

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org собеседника, скромного и любезного, – и вдруг непогрешимый оракул, которого можно только почтительно слушать. Совсем другой человек сделался – узнать было нельзя". Факт перемены в Чернышевском оставил свои следы и в печатных его произведениях; но он допускал, может быть, другое объяснение. Впрочем, и слова отца, помню, были сказаны не столько в упрек Чернышевскому, сколько в обличение незрелости, несерьезности и холопского духа в русском обществе. "Ну, какой тут может быть правильный рост образованности? Третьего дня ты принялся за серьезное дело в науке и в литературе, вчера тебя потащили на дельфийский треножник: не нужно, мол, нам твоего умственного труда, давай нам только прорицания; а сегодня, еще не прочхавшись от фимиама, ты уже на каторге: зачем прорицательствовал с разрешения предварительной цензуры". Отец с своей точки зрения полагал, что Чернышевский, возмужав, сумел бы отделиться от вредного действия общественных поклонений; фимиам передовых кружков испарился бы у него вместе с невинными социалистическими утопиями, и он стал бы настоящим умственным деятелем на пользу России. Тем сильнее было негодование отца на виновников катастрофы: "одни испортили, а другие совсем погубили". Подлинные выражения, которые я хорошо помню, были гораздо резче*.

От этих разговоров с отцом у меня осталось яркое представление о Чернышевском как о человеке, граждански убитом не за какое-нибудь политическое преступление, а лишь за свои мысли и убеждения. Конечно, обнародована перемена, замеченная отцом в Чернышевском, фактически несомненно произошла, так как можно указать ее прямые проявления и в литературе (напр., в полемическом ответе Юркевичу). Но имела ли она указанную причину или же совсем другие – это остается спорным. Она могла происходить не от сомнений, а от раздражения, вследствие оказавшейся непрочности освободительного движения и появившихся уже в 1861 г. признаков начинающейся реакции.

377

вание своих мыслей и убеждений в печати есть уже поступок, но если этот поступок совершается с предварительного разрешения правительственной цензуры, казалось бы, ясно, что он не может быть преступлением. Впоследствии мне случилось ближе познакомиться (по некоторым документам) с делом Чернышевского, и мое прежнее впечатление не только подтвердилось, но стало несомненно и непоколебимо уверенностью. Я укажу здесь в кратких чертах на главные основания этой уверенности.

Чернышевский был обвиняем, главным образом, на трех основаниях: 1) преступные сношения его с эмигрантом Герценом, 2) участие в составлении и напечатании прокламации к крестьянам, и 3) письмо к поэту Плещееву преступного содержания.

По первому пункту выяснилось, что, когда в 1861 г. журнал "Современник" был подвергнут непродолжительной приостановке, Герцен обратился через одного общего знакомого к Чернышевскому с предложением перенести издание за границу, на что получил решительный отказ {3}. При этом оказалось, что вообще к замыслам Герцена относительно революционной агитации Чернышевский относился отрицательно, и поддерживать обвинение по этому пункту найдено было совершенно невозможным.

Относительно второго основания обвинения обнаружилось одно обстоятельство, на которое странный суд, разбиравший дело, не обратил внимания, хотя при суде сколько-нибудь правильном этот факт, конечно, решил бы дело в пользу подсудимого. Случайным образом оказалось, что единственный его обвинитель, выгораживающий этим обвинением себя самого, – и действительно сейчас же освобожденный от наказания, к которому он уже был приговорен, этот единственный обвинитель и доносчик на Чернышевского подкупал как свидетеля одного пьяницу-мещанина, который затем оказался лицом столь неблагонадежным, что его пришлось административно выслать в Архангельскую губернию.

Что касается до третьего основания обвинения, мнимого письма Чернышевского к Плещееву, то ввиду решительного заявления подсудимого, что он такого письма никогда не писал и что почерк предъявленного ему документа – не его, хотя вначале старательно подделан под его руку, – были спрошены в качестве _экспертов_... сенатские секретари! Каким образом эта должность и ступень служебной иерархии является вдруг в виде особой профессии – это есть тайна нашей дореформенной юстиции. Между моими хоро

378

шими знакомыми есть несколько лиц, бывших сенатскими секретарями (один из них еще до судебного преобразования), но они решительно отрицают какую-нибудь свою прикосновенность к искусству распознавания почерков и различения поддельного сходства от действительного тождества. Секретари могли говорить только о явном сходстве почерков, которое необходимо существует и в подделке. При этом некоторые из них, вероятно более

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org внимательно рассматривавшие письмо по отдельным буквам, заявили, что только некоторые буквы схожи способом писания их в признанном письме Чернышевского, другие же не похожи. Такая экспертиза была сочтена достаточной для признания подлинности письма и для осуждения Чернышевского!

А между тем помимо такого странного решения вопроса о почерках, принадлежность Чернышевскому этого письма опровергается и по существу – и неправдоподобным содержанием письма, и выбором адресата, и выбором посредника. Поэт тихой грусти, А. Н. Плещеев, был в жизни совершенным младенцем. В ранней молодости он как-то участвовал в знаменитом деле Петрашевского, когда несколько молодых людей, в том числе Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский (автор ультранационалистической книги "Россия и Европа"), оказались виновными в тяжком политическом преступлении: в домашних разговорах о крепостном праве и в потаенном чтении сочинений Фурье. Приговоренные за это к смертной казни, они были уже по прочтении приговора помилованы, т. е. смертная казнь заменена другими наказаниями: от каторги до высылки в отдаленные города на обязательную государственную службу. После этого Плещеев никакой политикой не занимался. И ему-то Чернышевский, очень мало с ним знакомый, написал будто бы письмо о каком-то их общем революционном предприятии и отправил этот документ с юным литератором, с которым также вовсе не был близок и который вместо адресата доставил письмо в III-е Отделение. Очевидно, над изобретением правдоподобных улик не очень трудились: не считали нужным церемониться. Что улика была заведомо ложная, явствует из следующего соображения. Ведь при предположении подлинности письма оно было уликой против Плещеева столько же, сколько против Чернышевского. Между тем Плещеев никакой ответственности не подвергся. Ясно, что ни в III-ем Отделении, ни в Сенате подлинности этого письма не верили {4}.

379

VI

Ясно вместе с тем, что к подобным доказательствам политической преступности Чернышевского никто не стал бы прибегать, если бы были какие-нибудь лучшие. Но ни перед арестом Чернышевского, ни в два года его сидения в крепости никаких доказательств его преступности не удалось найти. Да и чем объяснить это долговременное предварительное заключение при крайней скудости обвинительного материала, как не надежду судей отыскать какие-нибудь улики, хоть немного более приличные. Но эта надежда оставалась тщетной, никаких правдоподобных улик не являлось, и пришлось наконец осудить его на основании одних вымыслов и подлогов.

Действительною причиною дела были, разумеется, печатные произведения Чернышевского, которые были упомянуты и в опубликованном приговоре. Все они появлялись, как я уже говорил, с разрешения предварительной цензуры. Никаких запрещенных книг или брошюр Чернышевский никогда не издавал. Но вот одно обстоятельство, которое кажется мне очень характерным и любопытным. Из всех сочинений Чернышевского есть только одно, единственное, где можно было бы найти если не основание, то некоторый повод к политической инкриминации, именно знаменитый роман "Что делать?". В конце его попадают какие-то, правда, очень темные и загадочные, но все-таки будто намеки на желательность и возможность каких-то важных перемен в общественной жизни России. Читатель, знакомый с содержанием сочинений Чернышевского, но не знающий их точной хронологии и особых обстоятельств их появления, может подумать так: "Допустим, что цензор оплошал, пропустив эти страницы, и что формально виноват только он; но по существу дела, раз эти страницы появились, они могли вызвать в "подлежащем ведомстве" искренние опасения каких-то политических замыслов со стороны Чернышевского, – подозрения, которыми если не оправдывался, то извинялся и объяснял его арест и осуждение". Но такое предположение возможно именно при незнании обстоятельств и уничтожается тем несомненным фактом, что роман "Что делать?" во время ареста и предания суду Чернышевского еще вовсе не существовал, так как автор и начал, и кончил его в крепости, в заключении, причем в редакцию "Современника" рукопись, по мере написания, передавалась через посредство чинов III-го Отделения. Значит, не только нельзя говорить об этом романе, как об основании для возбуждения

380

политического преследования, но и после своего появления он мог служить не к подтверждению, а только к опровержению предполагаемой политической преступности своего автора, так как даже его судьи должны были сообразить, что человек, решительно отрицающий взведенную на него вину, не станет нарочно создавать и класть в руки своим обвинителям улику против себя. Следовательно, помянутые туманные места в романе, которые сами по себе могли бы быть, но могли бы и не быть поняты в смысле ожидания какого-то

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org государственного переворота, необходимо должны быть относимы лишь к фаланстерианской утопии, которой посвящен и остальной роман безо всякого политического значения.

VII

Неужели, однако, высший трибунал Империи мог совершить такую вопиющую неправду – предать гражданской смерти заведомо невинного человека? Кто предложил бы такой вопрос с серьезным недоумением, обнаружил бы только то свойство, в котором незадолго до своей смерти И. Аксаков упрекал русское общество. Когда с конца 70-ых и особенно с начала 80-ых годов часть русской печати стала усиленно нападать на судебную реформу 1864 г., причем подразумевалась желательность более или менее прямого возврата к старому суду, Аксаков, хорошо знавший этот суд по личному опыту, собрал всю силу нравственного негодования и патриотического чувства, чтобы отогнать этот вызываемый призраком "черной неправды"*. "_Поразительно коротка память у нашего русского общества... Старый суд! при одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!.. "Мы имеем право так говорить", замечает Аксаков и ссылается на первые, лучшие годы своей молодости, посвященные служебной деятельности в старом суде. Воспитанник училища правоведения, обязательно вступивший на службу по ведомству министерства юстиции еще в сороковых годах, он изведаль вдоль и поперек все Повторяемые Аксаковым слова из известных стихов, обращенных Хомяковым к дореформенной России:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Постыдной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна {5}.

381

тогдашнее уголовное правосудие, в провинции и в столице, в канцеляриях и в составе суда... Это была воистину мерзость запустения на месте святе... Со всем пылом юношеского негодования ринулся он вместе с своим товарищем по воспитанию в неравную борьбу с судебною неправдою, – и точно так же, как иногда и теперь, встревоженная этим натиском стая кривосудов поднимала дикий вопль: вольнодумцы, бунтовщики, революционеры!

"Помним, как однажды молодой обер-секретарь" (разумеется, сам Аксаков, служивший обер-секретарем в шестом департаменте сената) – "молодой обер-секретарь, опираясь на забытую и никогда не применявшуюся статью Свода Законов, отказался скрепить истинно несправедливое постановление, благоприятствовавшее людям, занимавшим очень видное положение в высшем обществе, – и с каким шумом, с каким гневом встретили сановные старики такое необычайное дерзновение..." "Перед нами, – продолжает Аксаков, – невольно встают воспоминания одно возмутительнее другого. Какие муки, какие терзания испытывала душа, сознавая бессилие помочь истине, невозможность провести правду сквозь путы и сети тогдашнего формального судопроизводства". Приводя возмутительный во всех отношениях пример судебной неправды и жестокости, Аксаков продолжает: "Мы не можем отдалиться здесь нашим воспоминаниям; но дел, подобных рассказанному, в течение нашего недолголетнего судебного поприща, было множество. Не всегда неправда была последствием грубо-корыстных побуждений, но очень часто происходила от преступно-небрежного отношения к своим обязанностям, отношения, взлелеянного замкнутостью судилища, где все были свои, где все было по-домашнему, куда не проникал глаз постороннего наблюдателя, где все, даже по закону, ограждалось "канцелярскою тайной" и не опасалось проклятой "гласности".

На этой почве узаконенного неправосудия сложилось отношение народа к суду. "Суд и неправда в глазах народа были синонимами; в заговорах от всякой напасти – изобретались колдовские слова, оберегавшие будто бы даже правого от столкновения с судом... Неправосудие представлялось каким-то неизбежным элементом жизни, чуть не основой русского общества... Что значат все действительные недостатки новых судов в сравнении с тою сплошною мерзостью, которую мы терпели так долго, даже и не обнаруживая, к стыду нашему, никакой особенной щекотливости и раздражительности?"

382

Главное общее условие этой мерзости Аксаков указывает в том, что интерес правосудия не понимался как самостоятельный и безусловный, уступая или грубо-корыстным побуждениям (преимущественно на низших инстанциях), или сторонним внушениям и усмотрениям (на высших инстанциях). В обоих случаях суд не был независимым. А "суд зависимый, – говорит Аксаков, есть бессмыслица (*contradictio in adjecto*) или же чудовищная аномалия: зависимый суд не есть суд" (Сочинения И. С. Аксакова, Москва, 1886, том IV, стр. 652 и след.).

Соловьев В. Из литературных воспоминаний Н.Г. Чернышевского filosoff.org
Последним в России ярким проявлением этой, по словам Аксакова, "неправды черной", этой "мерзости запустения", этой "чудовищной аномалии" было дело Чернышевского. Назвать его "судебной ошибкой" было бы совсем не точно, так как для судебной ошибки необходимо, чтобы были две вещи: во-первых, суд и, во-вторых, ошибка, т. е. невольное заблуждение. Но в деле Чернышевского не было ни суда, ни ошибки, а было только заведомо неправое и насильственное деяние, с заранее составленным намерением. Было решено изъять человека из среды живых, - и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов.

Я надеюсь, что мне еще представится возможность более подробно поговорить о Чернышевском и его деле, а пока я хотел только напомнить об этом деле, которое до сих пор остается тайным. Если чернышевский был осужден справедливо, то что же мешает открыть основания его осуждения, а если его осудили несправедливо, то пора русскому обществу снять с себя обвинение Аксакова, что оно терпит "мерзости, даже и не обнаруживая, к стыду своему, никакой особенной щекотливости и раздражительности".

В заключение я должен сказать, что все сообщения печатные, письменные и устные, которые мне случилось иметь об отношении самого Чернышевского к постигшей его беде, согласно представляют его характер в наилучшем свете. Никакой позы, напряженности и трагичности; ничего мелкого и злобного; чрезвычайная простота и достоинство. В теоретических взглядах Чернышевского (до катастрофы) я вижу важные заблуждения; насколько он их сохранил или покинул впоследствии, я не знаю. Но нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось равновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека.

14 декабря 1898 г. Москва

383

КОММЕНТАРИИ: ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ. Н. Г. Чернышевский.

Статья писалась в 1898 г. для ашхабадской газеты "Закаспийское обозрение", редактор которой К. М. Федоров в свое время был у Н. Г. Чернышевского в Астрахани переписчиком. В газете не была напечатана по цензурным условиям и хранилась у М. Н. Чернышевского. Печатается по изданию: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1908. Т. 1. С. 271-282.

{1} Описываемые события относятся к 1864 г.

{2} Новые судебные уставы были утверждены 20 ноября 1864 г.

{3} "Современник" был временно закрыт летом 1862 г.

{4} Соловьев со знанием подробностей пересказывает "дело" Чернышевского, в то время плохо известное русскому обществу. Источник его осведомленности установить не удалось.

{5} Строки стихотворения Хомякова "России" ("Тебя призвал на брань святую..."), 1854.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!